

"НЕВЕРНЫЙ ЗВУК"

Некрасов не мог не видеть непрочности положения "Современника". Порой даже создается впечатление, что он сознательно шел навстречу катастрофе, понимая ее неизбежность и стараясь лишь отвоевать каждый лишний день у судьбы, дорожа возможностью напечатать еще одно стихотворение, еще одну статью. Однако гроза налетела раньше, чем он мог предполагать. 4 апреля 1866 года на Дворцовой набережной, возле ворот Летнего сада, революционер-террорист Дмитрий Каракозов выстрелил в Александра II, когда тот садился в экипаж после прогулки по саду. Покушение не удалось: кто-то толкнул стрелявшего под руку. Спасителем царя был официально объявлен находившийся в толпе зевак мастеровой из крестьян, петербургский картузник Осип Комиссаров.

Этот день оказался роковым для русской журналистики. Началась полоса жестоких репрессий. Для следствия и расправы был назначен граф Муравьев, незадолго перед тем отличившийся при подавлении польского восстания. Муравьев теперь был облечен полномочиями почти диктатора, от него зависело все, в том числе и судьба лучших журналов.

По словам Елисеева, "общество, не ожидавшее ничего подобного, пришло в страшную панику, и большинство, как всегда бывает в подобных чрезвычайных случаях, набросилось на литературу, будучи уверено, что среди нас именно надобно искать виновников покушения". Многие литераторы со дня на день ждали теперь ареста, ибо Муравьева не напрасно называли самым страшным человеком в России. "В особенности, - вспоминал тот же Елисеев, - должны были трепетать сотрудники "Современника", который считался главным очагом всех... якобинских идей".

Вскоре действительно начались обыски и аресты. Искали сообщников Каракозова, хватили всех, кого можно было заподозрить в распространении "крамолы". Среди литераторов были взяты братья Курочкины и чуть ли не вся редакция "Искры", В. Зайцев, А. Слепцов, Д. Минаев, П. Лавров. Елисеев, прошедший много бессонных ночей в тревожном ожидании, также был заключен в Петропавловскую крепость.

Сразу после этого на квартиру Елисеева явился Некрасов, чтобы узнать подробности ареста одного из главных своих сотрудников. Впоследствии Елисеев отметил незаурядную смелость Некрасова: он был единственный из всех знакомых, кто отважился посетить жену арестованного в то время, когда еще продолжался обыск. Гвардейский офицер, руководивший этой операцией, немедленно арестовал и Некрасова. Но жена Елисеева сумела его выручить. Она вступила в пререкания с офицером, доказывая, что лично почти незнакома с пришедшим, но зато поэта Некрасова знает вся Россия.

Во время этого спора Некрасов, бледный и суровый, стоял посередине комнаты. Через некоторое время он поклонился хозяйке дома и вышел. Никто не посмел его остановить. Однако офицер был раздосадован тем, что проявил мягкость.

"А это все вы виноваты!" - выговаривал он жене Елисеева. У той создалось впечатление, что "Муравьев имел намерение арестовать Некрасова". Дело было в конце апреля. А немного позже, в стихотворении "Суд", Некрасов воспроизвел некоторые подробности своей встречи с офицером, хотя придал его облику иной характер ("... гвардейский офицер, любезный, статный, молодой и либеральный выше мер, день-два беседовал со мной" {"Современная повесть" в стихах "Суд", опубликованная в первом номере "новых" "Отечественных записок" (1868), была откликом на судебное дело, возбужденное цензурным ведомством по поводу напечатанной в "Современнике" статьи публициста Ю. Жуковского "Вопрос молодого поколения". Статья была признана оскорбительной для "чести и достоинства" всего дворянства. К суду были привлечены автор и А. Н. Пыпин как один из руководителей журнала.}). После неудавшегося покушения на царя репрессии с новой силой обрушились на печать. Редактор "Современника" понял, что дела плохи и что надо спасать журнал. Он многим готов был пожертвовать ради своего детища.

Раньше всего он решил нанести визиты видным и влиятельным сановникам, которых знал по Английскому клубу или по делам охотничьим. Он побывал у министра двора графа Адлерберга, у Сергея Шереметьева - зятя самого Муравьева, у близкого ко двору Григория Строганова, который был старшиной клуба, у крупного цензурного чиновника Феофила Толстого. Результаты были неутешительны. После всех разговоров стало очевидно, что мнение правительства о "Современнике" крайне неблагоприятно и что спасти его невозможно.

Но Некрасов не мог в бездействии ждать событий и решился на чрезвычайные меры. 6 апреля он присутствовал на экстренном заседании Литературного фонда; там был принят "адрес" царю, в котором выражалась "беспредельная радость о сохранении горячо любимого монарха". Вместе с другими Некрасов подписал этот адрес.

Через несколько дней Английский клуб решил устроить обед в честь "спасителя царя". Сам спасенный только что пожаловал ему дворянское звание. Об Осипе Комиссарове писали все газеты. Его переименовали в Иосифа, воспевали в стихах, его целый месяц чествовали на различных банкетах, неизменно величая "орудием бога". Вокруг этого невзрачного и ничтожного человечка, волею случая попавшего в "герои", поднялся невообразимый шум. И когда Григорий Строганов как старшина клуба предложил Некрасову сказать стихотворный экспромт в честь Комиссарова, тот не счел возможным отказаться. На обеде, собравшем триста тридцать человек, он прочел стихи, где упоминался царь, отменивший "вековую несправедливость людей", и прославлялся его спаситель как "орудие бога", направлявшего его руку. Стихи эти были напечатаны в "Современнике" и в других изданиях наряду со многими другими стихами на ту же тему.

Но это было еще не все. Неделя муравьевского террора, повергшая в панику журналистские кружки, завершилась к середине апреля избранием Муравьева почетным членом Английского клуба - эта честь выпадала лишь немногим (когда-то ее удостоились Кутузов, затем Ермолов, Бенкендорф и еще два-три лица). По этому поводу 16 апреля в клубе был назначен торжественный обед. И опять граф Строганов обратился к Некрасову, не может ли он прочесть на обеде стихи в честь Муравьева. При этом, подбивая поэта, Строганов (как об этом вспоминал перед смертью Некрасов) утверждал, что его стихотворение могло бы "подействовать и укротить" диктатора.

За два дня до обеда Некрасов уже знал, что "Современник" будет запрещен. Феофил Толстой, член цензурного комитета, мелкий литератор и композитор, дилетант, любивший заигрывать с известными писателями, прислал ему записку, в которой сообщал: "Я только что узнал из вернейших источников, что участь "Современника" решена, и спешу поделиться с Вами этой печальной новостью". После этого Некрасову показалось, что последнее средство, которым он располагает, - это прямое обращение со стихами к Муравьеву. К тому же отказываться было поздно. Уклониться от обеда он не мог, а присутствовать и промолчать ему, поэту, было невозможно, это сочли бы за демонстрацию. И он согласился.

Сведения о выступлении Некрасова на обеде в честь Муравьева противоречивы и не очень достоверны. Те двенадцать строк, которые он прочитал, не сохранились - вероятно, поэт их сразу же уничтожил. Из немногих очевидцев выступления лишь барон А. И. Дельвиг коснулся этого эпизода в своих воспоминаниях. Вот что рассказал он:

"После обеда, когда Муравьев сидел со мной и другими членами в галерее при входе в столовую залу, к нему подошел издатель журнала "Современник", известный поэт Некрасов, об убеждениях которого правительство имело очень дурное мнение. Некрасов сказал Муравьеву, что он написал к нему послание в стихах, и просил позволения его прочитать. По прочтении он просил Муравьева о позволении напечатать это стихотворение. Муравьев отвечал, что, по его мнению, напечатание стихотворения было бы бесполезно, но так как оно составляет собственность Некрасова, то последний может располагать им по своему усмотрению. Эта крайне неловкая и неуместная выходка Некрасова очень не понравилась большей части членов клуба".

Поступок Некрасова вызвал недоумение и негодование в кругах передовой русской интеллигенции. Резко осудили его Герцен, известный народник П. Л. Лавров, каракозовец

Худяков и другие. Однако никто не судил этот поступок так сурово и так беспощадно, как сам Некрасов.

Вернувшись домой из клуба, он в тот же вечер написал горькие стихи:

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущенья,
Стоявшие бесменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...

От злополучного дня 16 апреля 1866 года и до последних часов, жизни Некрасов не мог простить себе "муравьевских стихов, или "мадригала", как он их называл.

Некоторые современники находили известное оправдание поступку Некрасова, называли его "военной хитростью". Например, Елисеев исходил из того, что в тогдашнем мраке "... ни одна публичная мысль, ни одно публичное слово, а тем более дело не могли явиться без компромиссов, а у Некрасова на руках было большое публичное дело, дело расширения... свободного слова...". Елисеев считал, что Некрасов жертвовал своим самолюбием не только ради одного журнала, но ради литературы вообще, пытаясь отвести от нее новые гонения.

Так же думал и другой современник - А. Ф. Кони: "Некрасов жестоко ошибся... но несомненно, что он не преследовал никаких личных целей, а рисковал своей репутацией, чтобы спасти передовые органы общественной мысли от гибели".

Но ближе к истине были те, кто безоговорочно осуждал "муравьевскую оду" и с политической и с нравственной точек зрения. Лавров, например, тоже связывал ее с историческими обстоятельствами - отсутствием развитых революционных традиций, особенностями сложившейся обстановки. Но этим он только объяснял, а не оправдывал поступок Некрасова: "В трудную минуту, когда русское общество почти целиком было охвачено приступом трусливой подлости, его желание спасти страстно любимый им "Современник" довело его до нравственного падения и даже отуманило его светлую мысль, не угадав, что это падение было бесполезно при сложившихся условиях".

Сам Некрасов не искал для себя оправданий и всю жизнь жестоко страдал от сознания опрометчивости совершенного поступка. "Даже перед смертью, мучимый страшной болезнью, едва дышавший и говоривший, он не переставал приносить покаяние... Так давила и мучила его жертва, принесенная им в пользу своего великого дела" (Елисеев).

* * *

Еще в начале марта 1866 года, за месяц до каракозовского выстрела, Некрасов получил стихотворение, озаглавленное "Не может быть". Под ним стояла подпись: "Неизвестный друг". Автор стихотворения отвергал ходившие по Петербургу слухи, порочившие личность поэта; с искренним чувством он отзывался о его стихах:

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень.
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень.
Но отчего ж весь мир сильнее любить
Мне хочется, стихи твои читая?..
И в них обман, а не душа живая?..
Не может быть!

Некрасов до конца дней помнил это стихотворное признание, но так никогда и не узнал, кто был его автором. Незадолго до смерти, пересматривая тексты своих сочинений, он сделал по этому поводу такую пометку: "Невыдуманный друг, но точно неизвестный мне... Где-нибудь в бумагах найдите эту пьесу, превосходную по стиху. Ее следует поместить в примечании".

Между тем Некрасов был знаком с автором этой пьесы; автора звали Ольга Петровна Мартынова; под псевдонимом "Ольга Павлова" она печатала стихи, рассказы и переводы во второстепенных журналах. Разделяя всеобщее увлечение молодежи поэзией Некрасова, она в октябре 1865 года решила лично познакомиться с любимым поэтом и отнести ему несколько своих стихотворений в надежде, что они появятся в "Современнике".

Из сохранившегося дневника матери Ольги Павловой {Фрагменты дневника опубликованы Л. Ключковой в "Некрасовском сборнике", вып. II. Л. -М., 1956.} мы узнали, как мать и дочь вместе отправились к Некрасову на Литейный и как он их принял. После первого знакомства, когда тридцатилетняя поэтесса вручила ему свои стихи, Некрасов сказал:

- Вам угодно, чтоб я сейчас прочел, или вы оставите у меня их, чтоб я прочел на досуге?

Разумеется, она согласилась оставить, а Некрасов записал ее адрес.

Затем, собравшись уходить, она сказала:

- Позвольте мне иметь счастье пожать вашу руку.

По словам матери, присутствовавшей при этом, она, вероятно, хотела прибавить: "Как первого нашего поэта", - но по застенчивости не прибавила. Он проводил их в переднюю, еще раз пожал ей руку и посмотрел ей в глаза так просто и с такой добротой, что обе дамы были совершенно очарованы. Они вышли на улицу как в чад и чуть было не сказали извозчику, что только что разговаривали с самим Некрасовым... Через неделю они снова поехали на Литейный за ответом. В том же дневнике записано: "Ездили опять к Некрасову и очаровались им еще более. Он такой человек, какого я в жизни еще не встречала... Он принял нас, как и прежде, очень учтиво и с своей обыкновенной грустью во взоре. Сказал, что читал ее стихи, что они хороши... один ["стих"] будет напечатан в октябре, другой - в ноябре. Что он сам к нам хотел зайти, что если б Олюша не пришла, то он бы завтра у нас был..."

Два стихотворения Ольги Павловой Некрасов действительно напечатал в ближайших номерах "Современника".

У Мартыновых бывали люди, близкие к литературным кругам. И не удивительно, что до их дома доходили разные сплетни о Некрасове, в том числе самые невероятные. Например, что он кутила, что ему нельзя показывать хорошие стихи, поскольку, он не терпит соперничества; что он будто бы ненавидит поэта Розенгейма (!) за то, что у того "стих хорош". И делает честь матери Ольги Павловой, что она отметила в своем дневнике: "Все пустые наговоры на него мне показались так низки, я не верю ничему, и всё, что эти душонки об нем распространяют, происходит от зависти. Им до него, как до звезды небесной, далеко". Очевидно, в атмосфере этих слухов и разговоров о любимом поэте и родилось стихотворение "Не может быть", подписанное "Неизвестным другом".

Оно было послано еще до муравьевских событий. А после этого к прежним слухам и сплетням прибавились новые упреки и обвинения, вызванные мадригалом и потому в большей части заслуженные. В печати появились насмешливые стихи и язвительные эпиграммы, приходили письма с упреками в отступничестве. На каком-то вечере к Некрасову подошел поэт Владимир Щиглев и наговорил резкостей.

Тургенев тоже не промолчал: назвал Некрасова "официальным поэтом Английского клуба".

Некрасов, до предела угнетенный всем этим, долго молчал согласно своему обыкновению. Но через некоторое время он ощутил потребность как-то ответить на упреки, оценить, осудить свой поступок. И тут он вспомнил о стихотворении "Не может быть". Оно-то, как видно, и послужило толчком для написания новых стихов о себе и своей вине.

Этим стихам ("Умру я скоро"), относящимся к концу февраля 1867 года, предпослано посвящение: "... неизвестному другу, приславшему мне стихотворение "Не может быть". Однако поэт отвечал не только одному другу, по сути дела, он обращался к народу, ему предназначались все эти горестные самообличения.

О чем же эти стихи? "Гнетущие впечатления" детства и молодости, путь, полный преград, приверженность к "минутным благам" жизни, уход единомышленников, на которых можно было бы опереться, оторванность от народа, наконец, трогательная мольба о прощении, обращенная к родине, - вот содержание стихотворной исповеди "Умру я скоро". Здесь же и объяснение того "неверного звука", который сам поэт исторг из своей лиры:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно рассталися со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути
- За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

"Неумолимый рок" как один из мотивов своего прегрешения, одиночество, судьба друзей, среди которых подразумевались Чернышевский и Михайлов ("Те жребием постигнуты жестоким..."), Белинский и Добролюбов ("А те прешли уже земной предел..."), покаяние, плач и мольба... Поразительна искренность и сила этих признаний!

После смерти Некрасова редакция "Отечественных записок" писала в некрологе (он был запрещен цензурой): "За каплю крови, общую с народом", сохраненную поэтом до конца жизни, оно [интеллигентное общество] не вспомнуло на его могиле о тех случайных отклонениях, которые он делал на пройденном им пути и которые так смущали совесть поэта в последние годы его жизни".

Некрасовским "покаянным" стихам придавал большое значение В. И. Ленин. В статье "Еще один поход на демократию" (1912) он писал: Некрасов "грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои "грехи" и публично каялся в них... "Неверный звук" - вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические "грехи" {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 84.}. Ленин настойчиво подчеркивал, что, несмотря на временную слабость, все симпатии Некрасова были на стороне Чернышевского, то есть на стороне революционной демократии.